

риалом Ремизов считал «художественный пересказ», когда задача художника сводится к тонкой редакторской правке.

Далее в своем письме-манифесте Ремизов конкретизирует идею реконструкции праславянского мифа, представляя ее растянутым по времени процессом некоего коллективного мифотворчества, что близко к концепции «соборного творчества» Вяч. Иванова. Он пишет: «Ставя своей задачей воссоздание нашего народного мифа, выполнить которую в состоянии лишь коллективное преемственное творчество не одного, а ряда поколений, я, кладя мой, может быть, один единственный камень [выделено нами. – Ю. Р.] для создания будущего большого произведения, которое даст целое царство народного мифа, считаю своим долгом ... вводить примечания и раскрывать в них ход моей работы. Может быть, равный или те, кто сильнее и одареннее меня, пытая и пользуясь моими указаниями, уже с меньшей трайтой сил принесут и не один, а десять камней и положат их выше моего и ближе к венцу» [12, с. 608–609]. Поэтому вполне закономерной выглядит реакция Вяч. Иванова, который, прочитав ремизовское «Письмо в редакцию», отметил в дневнике, что оно «обстоятельное и интересное как статья – о мифотворчестве, с очень широкими горизонтами» [2, с. 803].

Литература

1. Данилова, И. Писатель или списыватель? (К истории одного литературного скандала / И. Ф. Данилова // История и повествование: Сборник статей. – М., 2006.
2. Иванов, В. Собрание сочинений. – Т. 2. / В. И. Иванов. – Брюссель, 1974.
3. Милов, Мих. Писатель или списыватель? (Письмо в редакцию) / М. Милов // Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. – 1909. – 16 июня.
4. Пашков, А. М. Заонежье глазами путешественников начала XX века / А. М. Пашков // Международная научная конференция «Рябининские чтения – 95»: Сборник докладов. – Петрозаводск, 1997.
5. Переписка А. М. Ремизова и К. И. Чуковского / Вст. статья, подг. текста и комм. И. Ф. Даниловой и Е. В. Ивановой // Русская литература. – 2007. – №3.
6. Письма В. В. Гофмана к А. А. Шемшурину / Публ. А. В. Лаврова // Писатели символистского круга. Новые материалы. – СПб., 2003.
7. Пришвин, М. Плагиатор ли Ремизов? (Письмо в редакцию) / М. М. Пришвин // Слово. – 1909. – 21 июня. – № 833.
8. Резникова, Н. А. М. Ремизов о себе / Н. А. Резникова // Дальние берега. Портреты писателей эмиграции. Мемуары. – М., 1994.
9. Ремизов, А. М. Кукха. Розановы письма / А. М. Ремизов. – СПб., 2011.
10. Ремизов, А. Мышонок / А. М. Ремизов // Италия. Литературный сборник в пользу землетрясения в Мессине. – СПб., 1909.
11. Ремизов, А. Небо пало / А. М. Ремизов // Всемирная панорама. – 1909. – №5.
12. Ремизов, А. М. Собр. соч. – Т. 2. Докука и балагурье / А. М. Ремизов. – М., 2000.
13. Ремизов, А. М. Собр. соч. – Т. 7. Ахру / А. М. Ремизов. – М., 2002.
14. Ремизов, А. М. Собр. соч. – Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень / А. М. Ремизов. – М., 2000.
15. Ремизов, А. М. Собр. соч. – Т. 10. Петербургский буерак / А. М. Ремизов. – М., 2003.
16. Северные сказки. (Архангельская и Олонецкая губернии). Сборник Н. Е. Ончукова / Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – Т. 33. – СПб., 1908.
17. Тяпков, С. Леонид Андреев в зеркале критика и пародиста А. Измайлова / С. Тяпков // Творчество писателя и литературный процесс: Межвузовский сборник научных трудов. – Иваново, 1978.
18. Федор Сологуб и Ан. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. – СПб., 1999.
19. Хлебников, В. Неизданные произведения / В. Хлебников. – М., 1940.

УДК 81'371

С. Н. Смольников

Вологодский государственный университет

СЕМАНТИКА ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО «ВОЛОГОДСКИЙ» И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (15-04-00364а «Вологодский текст в русской словесности»)

Словосочетания с прилагательным «вологодский», представленные в «Национальном корпусе русского языка», отражают совокупность понятий, которая определяет региональную идентичность образа Вологодского края, воспринимаемого с «внешней» точки зрения. Семантика определения «вологодский» неоднозначна, поскольку связана с различными хронотопами. В художественных, автобиографических и публицистических контекстах она испытывает приращения оценочных, коннотативных значений, составляющих аксиологическую направленность формируемого образа региона.

Лексическая семантика, региональная идентичность, топонимическое определение в художественных и нехудожественных текстах.

Phrases with the adjective «vologodsky» presented in the Russian National Corpus represent the set of concepts that defines the regional identity of Vologda region as it is perceived from outside the region. The semantics of the adjective «vologodsky» is poly-

semantic; as it is associated with a variety of chronotopes. Being used in the works of fiction, in autobiographical novels and nonfiction texts, it is enriched with connotative meanings depending on the value orientation of the generated image of the region.

Lexical semantics, regional identity, toponymic definition in fiction and nonfiction texts.

Введение.

В современной российской социологии и культурологии, занимающихся вопросами регионалистики, активно обсуждается понятие региональной идентичности, выступающей как результат восприятия и оценки региональной культуры в социуме и представленный в интегрированной концептуальной форме. В составе региональной идентичности выделяют когнитивный, ценностный, эмоциональный и регулятивный компоненты, соответствующие ее функциям [13, с. 44, 49], культурный и стратегический уровни [30]. Вологодскую область относят к числу регионов, для которых характерны «сильное чувство ощущения своей уникальности» и наличие стратегий ее презентации [30, с. 21].

Принято разграничивать внешнюю и внутреннюю территориальную идентификацию, которые допускают разные толкования: социальную идентификацию (предписываемую коллективом) и личностную самоидентификацию [18, с. 9]; идентификацию, ориентированную на имидж, формируемый «извне» и «изнутри» социальной общности. Взгляд на социокультурные территориальные общности людей извне и изнутри определяет культурные автостереотипы и гетеростереотипы, получающие отражение в различных текстах, в том числе и вологодских [10].

Актуальны эти вопросы и для изучения региональных аспектов языка, литературы, публичного дискурса и массовой коммуникации. Так, например, проблему внешней и внутренней региональной идентичности в языке описывают исследователи русских названий жителей той или иной территории. Можно противопоставить эндоэтнонимы (*воложанин*) и экзоэтнонимы (*вологодец*) как языковые маркеры «своего» и «чужого». Очевидно, что эти аспекты могут рассматриваться и на ином материале.

Основная часть.

Представление о том, что следует считать вологодским и какими свойствами оно обладает, в первую очередь находит выражение в употреблении имени прилагательного «вологодский». К рассмотрению в рамках данной статьи было привлечено более тысячи контекстов употребления этого слова, представленных в базе данных «Национального корпуса русского языка» [32], за исключением омонимичных имени прилагательному фамилий, названий улиц (например, Вологодская улица в Санкт-Петербурге) и топонимов типа Усть-Вологодский. Основной корпус представляет русский литературный язык, отраженный в литературно-художественных, мемуарно-биографических, научно-популярных текстах, литературной критике, публикациях в центральных журналах и газетах. Два массива текстов XVIII – середины XX вв. и современных позволяют делать наблюдения сопоставительного харак-

тера. Далее при ссылке на источники даются условные сокращения согласно базам «Национального корпуса русского языка», включающие имя автора, название произведения и год издания.

Относительное оттопонимное прилагательное «вологодский» называет пространственно-бытийный признак предмета через его отношение к географическому объекту, в качестве которого может выступать город Вологда (*вологодские улицы, вологодский вокзал*), Вологодская губерния или Вологодская область как административно-территориальные единицы (*вологодские власти, вологодские газеты, вологодское дворянство, вологодское купечество*), Вологодский край как историко-культурный регион, границы которого условны и подвижны (*вологодская глухомань, вологодский говорок, вологодская деревушка, вологодское кружево, вологодские леса*), Вологодская епархия (*вологодский архиепископ, вологодский епископ, вологодские монастыри*) и др. Границы этих локусов различны. Как известно, возникновению Вологодской области предшествовало объединение старых губерний и уездов в новые территориальные единицы, а затем их новое разделение. Изменялся административно-территориальный статус некоторых вологодских районов, пограничных с Тверской, Архангельской, Костромской, Олонецкой губерниями. Территориальная нестабильность характеризует и историю Вологодской епархии, границы которой тоже изменялись. Таким образом, изменялись во времени и пространственные координаты представлений о «вологодском», которое соотносилось с разными хронотопами.

Разрушение прежней территориальной идентичности Вологодского края нашло отражение и в употреблении определения «вологодский» в текстах. Например: «Он родился в *вологодском* Белозерье в селе *Малое Заречье*» [38]. В цитате идет речь об ученом-конструкторе Г. А. Ефремове, родившемся в 1933 г. Однако Белозерье до 1937 г., когда была создана Вологодская область, входило в состав Ленинградской области, до 1927 г. – в состав Череповецкой губернии, до 1918 г. – Новгородской. В другой цитате наблюдается смешение границ области и губернии: «В *Вологодской губернии* замечательные озера – *Кубенское, Белое, Сиверское*, – там водится много рыбы, но все это ничего по сравнению с озером *Воже*» [7]. Территории, где расположены Белое, Сиверское озеро и озеро Воже, стали вологодскими только после создания Вологодской области, до этого они входили в состав Новгородской, а позднее Череповецкой губернии.

Отношения, выражаемые прилагательным, тоже неоднозначны. В их числе отношения пространственной смежности (*Вологодский район, вологодские земли* – территории, прилегающие к объекту-центру) и различные пространственно-бытийные (*расположенный в...*, *находящийся в...*, *существующий*

в...’, ‘созданный в...’ и т. п.) и пространственно-экзистенциальные (‘рожденный в...’, ‘живущий в...’ и т. п.) отношения (вологодское село, вологодская ссылка, вологодское хлыстовство, вологодское масло, вологодский поэт, вологодское детство, вологодские корни и др.). Использование причастных форм для описания семантики топонимного прилагательного предполагает наличие у него темпоральных компонентов значения, соотносимых с планом прошлого и настоящего: «Теперешняя Северо-Двинская губерния, а прежде Вологодская, сохранила черты оригинальной северной культуры» [47]. В редких случаях контексты эксплицируют модальный компонент значения: «У нас нет нынче тех социально-психологических устоев, которые были в свое время у любого сотрудника какой-нибудь вологодской либеральной газеты (если таковая существовала)...» [41].

Слабой временной локализацией отличаются от приведенных выше значения, описываемые при помощи слов «характерный», «типичный»: ‘характерный, типичный для природно-климатических особенностей региона’ (вологодские звезды, вологодский мороз, вологодская ночь, вологодский рыжик, вологодские снега), ‘характерный для жителей региона’ (вологодская наружность, вологодский говор, вологодский акцент, вологодское лукавство): «У синьора нос вологодской репкой, у донна – полтавской дулей» [28]; «кружева в вологодском стиле цвета топленого молока» [4]; «У него был довольно прямодушный характер, ну не без вологодского лукавства, конечно, и мужицкой хитрецы» [3]. Наличие темпорального компонента в значении ‘характерный для культуры региона’ (вологодское деревянное зодчество, вологодская иконописная школа, вологодская песня, вологодская свадьба, вологодский туес) способствует терминологизации таких сочетаний: «купола вологодской “луковичной” формы» [22]; «народные песни, в том числе и «Цвели цветики», вологодский распев, положенный в основу финала первой симфонии Чайковского “Зимние грезы”» [36].

Ментальные и речевые стереотипы находят выражение в синтагматике прилагательного «вологодский». Из тысячи словоупотреблений значительную часть составили официальные топонимы: Вологодская область (195 употреблений) и Вологодская губерния (144 употребления), Вологодский уезд (9 употреблений), Вологодский район (2 употребления) – и неофициальные: Вологодский край (4 употребления) и Вологодская земля (4 употребления). Значительное преобладание названий крупных объектов над названиями мелких соответствует внешней позиции: «Не только про Дилялево – мало кто слышал и про Вологодский уезд и про Березниковскую волость, включавшую в себя это незначительное селение» [44].

В 70 случаях определение «вологодский» отмечено в названиях предприятий, учреждений и организаций: Вологодская железная дорога, Вологодская Духовная семинария, Вологодское реальное училище, Вологодский полк, Вологодская областная больница, Вологодская областная картинная галерея, Вологод-

ский мясокомбинат, Вологодский подшивниковый завод, Администрация Вологодской области и т. п. К ним примыкают полуофициальные и разговорные варианты наименований: Вологодский архив, Вологодский драмтеатр, Вологодская драма, Вологодский театр, Вологодский молодежный театр, Вологодская организация Союза Писателей, Вологодское отделение писателей, а также произвольные и приблизительные названия, например: «У 8–10-летних танцовщиков Вологодского балетного театра во время спектаклей как будто нет ни возраста, ни веса» [21].

Называя предприятия и учреждения конкретной исторической эпохи, эти сочетания вписываются в систему вологодских хронотопов, строго соотносясь с одним из исторических периодов: «Вологодскому областному отделу по делам искусств даны указания об улучшении работы Череповецкого драматического театра» [35]; «Вологодское отделение паровозного хозяйства добилося в июле новых больших успехов» [31].

41 раз прилагательное «вологодский» встретилось в названиях церковно-административных территориальных единиц и священнослужителей (Вологодская епархия, архиепископ Вологодский, епископ Вологодский и Великоустюжский и др.), 7 раз – в составе названий монастырей, 2 – в именовании святых православной церкви.

Отмечено 15 употреблений слова «вологодский» в составе идеонимов – собственных наименований произведений искусства (литературных, музыкальных и живописных): «Вологодские бухтины», «Вологодские колокола», «Вологодские кружевницы», «Вологодская свадьба», «Вологодские свирели»; названий музейных экспозиций и выставок: «Вологодская ссылка», «Вологодская керамика»; периодических изданий: «Вологодские губернские ведомости», «Вологодская жизнь», «Вологодский комсомолец», сохраняющих отмеченные исходные значения.

Несколько единичных примеров представляют употребление прилагательного вне словосочетания, как правило, в предикативной функции: Они с Настей были вологодские. На том и сошлись [25].

В остальных цитатах (их около 500) представлены словосочетания разной степени устойчивости: вологодская богадельня, вологодские дороги, вологодское имение Брянчаниновых, вологодские литературные деятели, вологодские лагеря, вологодская пересылка, вологодские театралы, вологодское «о», вологодская речь Белова и т. д. Среди них наиболее частотны сочетания вологодское масло (35 употреблений), вологодская деревня / деревушка / деревенька / деревнюшка (соответственно – 22/2/2/8; причем деревенька и деревнюшка в цитатах из произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина); вологодские кружева (22), вологодский губернатор (15), вологодский конвой (14), вологодские кружевницы (13), вологодский крестьянин (13), вологодская (каторжная, пересыльная) тюрьма (10), вологодский писатель (10), вологодский поэт (10), вологодская ссылка (8), вологодский купец (8), вологодский поезд (7), вологодский помещик (6), вологодский лес (6), вологодский мужик

(5). Среди тематических групп определяемых существительных наиболее широко и разнообразно представлены названия лиц (помимо уже названных – *архиерей, владыка, воевода, друг, коллега, колхозница, конвоир, крестьянка, матрос, машинист, партработница, плотник, полицеймейстер, прозаик, тюремный инспектор, читатель, шофер* и др.).

Хронотопичность таких сочетаний связана не только с употреблением историзмов (*богадельня, пересылка, купец, помещик, колхозница, партработница* и др.). Нередко сочетание называет понятие, существование которого было ограничено во времени и уже соотносится с конкретной исторической эпохой: «Когда народу, явившегося в этот отдел по вызову, набралось достаточно, пришли красноармейцы, окружили собравшихся и отвели их ночевать в Семеновские казармы, а утром препроводили на вокзал для погрузки в *Вологодский поезд*» [34].

Кружевной и маслодельный промыслы, прославившие Вологодский край, возникли в XIX в. Тексты XIX – начала XX вв. фиксируют названия и других вологодских изделий и продуктов: «Мина Карловна, при слабом свете двух сальных коптившихся *вологодских свеч* <...> начала с расстановкою во всех местах речи, где ставятся знаки правописания...» [39]; «Дамы засели на диване около круглого стола, на котором стоял новый десерт: *вологодская пастила*, разных сортов орехи, фрукты, варенные в сахаре» [8]; «Отцу – *рябчиков вологодских*, не ягодничков, а с «почки» да с можжухи, с горьковинкой, – в Охотном и не найти таких» [46].

Взгляд на вологодскую культуру «извне» приводит к тому, что как вологодские воспринимаются и уникальные великоустюгские промыслы «чернь по серебру» и «мороз по жести», что находит отражение в литературных текстах: «По углам и вдоль стен спряты, уклады, обитые цветным сафьяном или *вологодской, «под мороз», жестью*» [45]; «Серебряная допетровская панагия, с сертификатом о принадлежности одному из Филаретов, оказалась просто медальоном работы современного *вологодского мастера по черни*» [27].

Внешняя точка зрения обуславливает включение вологодских атрибутов в целостную, панорамную картину русской жизни и народной культуры: «Нездешние этому морю – *орловские, рязанские, калужские, вологодские мужики*» [9]; «*Архангельская область, Вологодская, Сибирь* – все наша территория» [14]; «На Руси есть примеры таких промыслов для души – *вологодские кружева, гжельские глиняные изделия, дымковская игрушка, жостовская роспись*» [42].

Описание эмоционального компонента региональной идентичности предполагает анализ стереотипных реакций на явления, ситуации, события. В рассматриваемых цитатах он находит отражение в коннотациях, сопровождающих названия вологодских реалий, и выражает преимущественно внешнюю оценку.

Развитие коннотативных сознаний в таких случаях поддерживается контекстом, в котором прилагательное «вологодский» входит в один ряд с оце-

ночными прилагательными: «Ох, уйду я куда-нибудь в монастырь, в какой-нибудь *самый глухой, вологодский, вятский!*» [5]; либо предмет, названный словосочетанием, подвергается оценке, выраженной различными способами.

Экспрессивное значение прилагательное получает в результате согласования с оценочным словом: «Стреляй! Стреляй, *...вологодский лапот!* Взведи затвор и нажми на спуск!» [19]; «Он приехал из своей *лесной вологодской глухомани*, куда и сейчас добраться непросто» [6]; «влюбилась в *вологодского поэтишку*, зачитывавшегося Плинием, цитировавшего латынь с гортанным оканьем и путавшего все на свете ударения» [12].

Положительные коннотации обычно связаны с признаками девственности, нетронутости природы и людей, чистоты, благочестия: «*Бесконечные дремучие, девственные леса вологодские* сливаются на севере с тундрой, берегом Ледовитого океана, на востоке, через Уральский хребет, с сибирской тайгой...» [11]; «*Самого простого происхождения – из крестьян Вологодской губернии, – он с детства отличался удивительным правдолюбием и благочестием*» [1]; «Ах, какая девочка была, *провинциалочка из вологодских лесов, нежная, трепетная*» [43]; «*Народ в комнате подобрался еще «зеленый» – все больше архангельские и вологодские сельские юноши*» [2].

Негативные оценки выражаются эпитетами *глухой, безлюдный, дикий, темный, безграмотный* и др.: «...приносят пользу не столько для *Вологодского края, в этой части безлюдного и негостеприимного*, сколько для соседних губерний: Вятской и Пермской» [40]; «Вырос в *вологодской глухой деревне*, на рыбачьем деле...» [26]; «Выросший в *глухой деревне Вологодской губернии*, не видавший никогда города, он совсем растерялся, попав в чужую ему обстановку» [33]; «Чего же вы перепугались в революции – вы, сколько мне известно, крестьянский сын, подзабывший своих *темных вологодских родичей?*» [28]; «...ты, должно быть, слышал об этой организации, в которой кого только нет – от *безграмотного вологодского мужика* до бывшего министра» [23]. В числе других тропов и фигур, создающих оценочные значения, можно отметить сравнения, часто в сочетании с антитезой, гиперболы, перифразы: «...и сами воровки говорят: «Вологодский конвой хуже смерти»» [16]; «Ставить рядом санинструктора Пинского с кадрами Ягоды так же неверно, как академика Лихачева с вологодским конвоем» [37]; «Нельзя себе представить, чтобы музыка Чайковского родилась где-нибудь в Танзании, так же как нельзя себе представить, чтобы Вилла Лобос родился в Вологодской губернии» [20]; «Вокзалы Вологодской области... Да что там области – вокзалы всей России просто кишели бомжами» [15]; «Но все скучней и скучней становилось ему в вологодских снегах» [17].

Выводы.

Таким образом, рассмотренный фактический материал позволяет говорить о том, что географический объект и связанные с ним представления существуют в системе пространственных и временных координат, а потому соотносимы с хронотопами как элементом культурного фона названий, который определяет воз-

возможности сочетания слов и их употребления в речи. Словосочетания с прилагательным «вологодский», представленные в «Национальном корпусе русского языка», отражают внешнее восприятие образа Вологодского края. Семантика определения «вологодский» неоднозначна. В художественных, автобиографических и публицистических контекстах она испытывает приращения оценочных, коннотативных значений, составляющих аксиологическую направленность формируемого образа региона.

Источники и литература

1. *Алексеев, А.* Неистовые ревнители. Московская Русь в XVII веке / Александр Алексеев // Наука и жизнь. – 2009.
2. *Амосов, Н.* Голоса времен / Николай Амосов. – М., 1999.
3. *Астафьев, В.* Затеси / Виктор Астафьев // Новый Мир. – 2000.
4. *Баконина, М.* Девять граммов пластида / Марианна Баконина. – М., 2000.
5. *Бунин, И. А.* Чистый понедельник / И. А. Бунин. – М., 1990.
6. *Ваншенкин, К.* Писательский клуб / Константин Ваншенкин. – М., 1998.
7. *Варламов, А.* Падчевары / Алексей Варламов // Новый Мир. – 2002.
8. *Вельтман, А. Ф.* Неистовый Роланд / А. Ф. Вельтман. – М., 1981.
9. *Владимов, Г.* Три минуты молчания / Г. Владимов. – М., 1969.
10. *Воронина, Т. Н.* Авто- и гетеростереотипы восприятия образа Вологды / Т. Н. Воронина, А. В. Федорова // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сб. научных трудов. Ч. 6. – Вологда, 2010. – С. 16–21.
11. *Гиляровский, В. А.* Мои скитания / В. А. Гиляровский. – М., 1991.
12. *Головановская, М.* Противоречие по сути / Мария Головановская. – М., 2000.
13. *Голованова, Е. В.* Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура / Е. В. Голованова // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 5. – С. 42–50.
14. *Гончаренко, Е.* Невероятные похождения Кати Г. в Стране Любви (1997) / Екатерина Гончаренко // Столица. – 1997. – 29 июля.
15. *Громов, В.* Компромат для олигарха / Вадим Громов. – М., 2000.
16. *Гроссман, В.* Все течет / В. Гроссман // Октябрь. – 1989.
17. *Гуль, Р. Б.* Азеф / Р. Б. Гуль. – М., 1990.
18. *Докучаев, Д. С.* Региональная идентичность русского человека в современных условиях: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Д. С. Докучаев. – Иваново, 2011.
19. *Жигулин, А.* Черные камни / Анатолий Жигулин. – М., 1988.
20. *Журбин, А.* Как это делалось в Америке. Автобиографические заметки / Александр Журбин. – М., 1999.
21. *Играют дети* // Театральная жизнь. – 2003. – 26 мая.
22. *К Тихвинской на богомолье* // «Журнал Московской патриархии». – 2004. – 26 июля.
23. *Каверин, В. А.* Перед зеркалом / В. А. Каверин. – М., 1975.
24. *Крышук, Н.* Отступление / Николай Крышук // Звезда. – 2003.
25. *Крышук, Н.* Отступление / Николай Крышук // Звезда. – 2003.
26. *Лавренев, Б. А.* Ветер / Б. А. Лавренев. – М., 1980.
27. *Леонов, Л. М.* Скutarevский / Л. М. Леонов. – М., 1999.
28. *Леонов, Л. М.* Русский лес / Л. М. Леонов. – М., 2001.
29. *Мариенгоф, А.* Роман без вранья / Анатолий Мариенгоф. – М., 1989.
30. *Назукина, М. В.* Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук / М. В. Назукина. – Пермь, 2009.
31. *Накануне Сталинского Дня железнодорожника* // Правда. – 1945.
32. *Национальный корпус русского языка.* – URL: <http://www.ruscorgora.ru>.
33. *Новиков-Прибой, А. С.* Капитан первого ранга / А. С. Новиков-Прибой. – М., 1980.
34. *Пастернак, Б. Л.* Доктор Живаго / Б. Л. Пастернак. – М., 1994.
35. *По следам неопубликованных писем* // Советское искусство. – №19 (1159). – 1949. – 7 мая.
36. *Полянская, И.* Прохождение тени / Ирина Полянская. – М., 1997.
37. *Померанц, Г.* Догматы полемики и этнический мир / Григорий Померанц // Звезда. – 2003.
38. *Родиков, В.* Герберт Ефремов. Асимметричный ответ / Валерий Родиков // Российское оружие: война и мир. – М., 1997.
39. *Ростопчин, Ф. В.* Ох, французы! / Ф. В. Ростопчин. – М., 1991.
40. *Салтыков-Щедрин, М. Е.* Губернские очерки / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М. 1984.
41. *Сухих, И.* Клэр, Машенька, ностальгия / Игорь Сухих // Звезда. – 2003.
42. *Толстой, В.* Творческие каникулы в России (2000) / Владимир Толстой // Туризм и образование. – 2000. – 15 июня.
43. *Хаецкая, Е.* Синие стрекозы Вавилона / Елена Хаецкая // Прах. – 1997.
44. *Чуев, Ф.* Ильяшшин / Феликс Чуев. – М., 1998.
45. *Шишков, В. Я.* Емельян Пугачев. Кн. третья. Ч. 1 / В. Я. Шишков. – М., 1991.
46. *Шмелев, И. С.* Лето Господне / И. С. Шмелев. – М., 2000.
47. *Шпанов, Н. Н.* Голубеграмма из Усть-Сысольска / Н. Н. Шпанов. – М., 1981.